

отличнымъ отъ присущаго ему художества, хотя бы оно и было боголѣпнымъ. Какимъ же образомъ Тому, Кто выходитъ внѣ предѣловъ божества и имѣеть эту славу по одному только художеству, поклоняются Ангелы на небѣ. поклоняемся и мы безгрѣшно, между тѣмъ какъ божественное Писаніе узаконяетъ намъ не служить никому кромѣ истиннаго Бога? *Господу Богу твоему*, сказано, *поклонись и Тому Единому послужиши* (Матѣ. 4, 10,—Второз. 6, 13). Святое-то по крайней мѣрѣ множество Ангеловъ не можетъ уклониться отъ должнаго и если поклоняется Сыну и служитъ Ему съ нами вмѣстѣ, то потому, что признаетъ Его Богомъ по природѣ, а не по наученію, какъ болтаютъ тѣ. Кажется, они не сознаютъ того, въ какія вслѣдствіе этого нелѣпости должны они впадать. И во первыхъ, Сынъ долженъ будетъ допускать измѣненіе и превращеніе изъ худшаго къ лучшему, хотя чрезъ пророка и говоритъ Онъ: „видите, видите, *яко Азъ есмь, и не измѣняюся*“ (Малах. 3, 6). Окажется, конечно, лжецомъ и тотъ, кто воспѣваетъ въ Духѣ: „*Ты же тойжеде еси*“ (Псал. 101, 28), восклицая это къ Сыну. Это потому, что Онъ, какъ утверждаютъ тѣ, дожидается дѣйствій Отца относительно чего-либо изъ сущаго, какъ нѣкоего наставника и учителя, чтобы, узрѣвъ, стать подражателемъ. Но какимъ же, наконецъ, образомъ таковой не долженъ каждому оказаться восходящимъ къ знанію изъ незнанія чего-либо и превращающимся изъ худшаго въ лучшее, какъ скоро мы признаемъ, что знаніе какого либо блага лучше незнанія?

Потомъ, къ довершенію своихъ нелѣпостей, признающіе Бога скорѣе наставникомъ чѣмъ Отцемъ пусть отвѣчаютъ намъ: Сынъ ожидаетъ видѣнія (дѣйствій Отца) какъ находящійся въ невѣдѣніи дѣль Отца,

или же какъ имѣющій точнѣйшее о нихъ знаніе? Если скажутъ, что Онъ ожидаетъ, зная,—то этимъ очевидно представляютъ Отца совершающимъ нѣчто въполнѣ излишнее и наставникомъ всецѣло напраснаго дѣла; ибо Одинъ (Сынъ), какъ незнающій, усматриваетъ то, что Онъ точно (уже) вѣдаетъ,—а Другой (Отецъ) принимается учить уже Знающаго. Кому же не очевидно, что подобныя мысли должны заслуживать полнаго осмѣянія? Но можетъ быть не скажутъ этого, а перейдутъ къ противоположному отвѣту, тоестъ будутъ утверждать, что Онъ по необходимости ожидаетъ дѣйствій Отца для того, чтобы чрезъ созерцаніе ихъ научиться. Но какъ же Онъ вѣдаетъ „*вся прежде бытія ихъ*“ (Дан. 13, 41)? Или какъ окажется истиннымъ Онъ, говоря о Себѣ: „*Богъ приближаяйся Азъ есмь, глаголетъ Господь, а не Богъ удалеча: еда утаится отъ Мене что*“? (Иерем. 23, 23,—32, 27). Какъ не нелѣпо и не безразсудно вѣровать, что Духъ испытуетъ и вѣдаетъ глубины Божіи (1 Кор. 2, 10), а Подателя Духа считать находящимся въ невѣдѣніи дѣль Отца и въ отношеніи къ знанію стоящимъ ниже Собственнаго Духа? ¹⁾ Не престанетъ ли, наконецъ, Сынъ быть и Премудростію, какъ скоро оказывается совершенно невѣдущимъ и получающимъ (знаніе) чрезъ наученіе? Вѣдь Онъ будетъ скорѣе получающимъ мудрость, чѣмъ самою мудростію по природѣ, ибо свойство мудрости—умудрять, а не умудряться,—какъ, безъ сомнѣнія, и свѣту свойственно свѣтить, а не освѣщаться. Поэтому Онъ окажется опять другимъ отличнымъ отъ премудрости въ Немъ (сущей), и, во-первыхъ, не простымъ, но уже сложнымъ изъ

¹⁾ Имѣются въ виду Іоан. 15. 26,—1 Іоан. 4. 13 др. безотносительно къ ученію объ исхожденіи Духа и отъ Сына.

двухъ,—а потомъ, кромѣ того, перестанетъ быть и Богомъ, разумѣю—Богомъ по природѣ и существенно. Вѣдь божественная природа отнюдь не допускаетъ наученія отъ кого либо и двойственности состава,—простою она обладаетъ какъ собственнымъ благомъ и совершенствомъ. А если Сынъ не есть Богъ по природѣ, то какимъ же образомъ производитъ и совершаетъ дѣла, подобающія одному только Богу? Неужели скажутъ, что и для боголѣпной силы Ему будетъ достаточно только видѣть дѣйствующимъ Отца,—и чрезъ простое созерцаніе Онъ приобрѣтаетъ бытіе Богомъ по природѣ и силу совершать то же самое, что и Показующій Ему? Но въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого препятствія, чтобы оказалось у насъ и много другихъ боговъ, такъ какъ Отецъ пожелалъ и имъ показать путь Своихъ дѣлъ. Также и исключительность (превосходства) сущности Отца будетъ заключаться въ наученіи какъ нѣчто излишнее, ибо Наученный, какъ утверждаютъ они, оказывается восшедшимъ въ достоинство божества по природѣ, если говорить: *Азъ и Отецъ едино есмы* (10, 30),—*видѣвший Мене видѣ Отца*“ (Іоан. 14, 9).

Пусть же поэтому измѣряютъ, какая громада хуленій накопляется у нихъ изъ-за желанія такъ мыслить,—и пусть мыслятъ о Сынѣ истинное, какъ написано. Не изъ созерцанія дѣлъ Отца и не потому, что имѣетъ Его первоначаломъ въ дѣлахъ, Сынъ есть творецъ или чудотворецъ, а потому и Богъ,—но нѣкій какъ бы природный законъ возводитъ Его къ совершеннѣйшему подобію съ Родителемъ, которое также блистаетъ и является и въ полномъ сходствѣ Ихъ дѣлъ.

Но, если угодно, обратимся опять къ толкуемому изреченію и, подвергая его подробнѣйшему изслѣдо-

ванію, рассмотримъ точно, какой смыслъ заключается въ этихъ словахъ, и разсудимъ о томъ, какъ подobaетъ разумѣть ихъ благочестиво.

И такъ, *„истинно истинно говорю вамъ: не можетъ сказано, отъ Себя творить Сынъ ничего, если чего не видитъ Отца творящимъ: ибо что Онъ творитъ, это и Сынъ подобноже творитъ“*. Видишь, какъ и посредствомъ совершеннѣйшаго тождества дѣлъ показываетъ Себя во всемъ подобнымъ Отцу, дабы чрезъ это являлся и наслѣдникомъ Его сущности; ибо Спаситель говорить это какъ Такой, Кто необходимо и безспорно долженъ быть мыслимъ Богомъ по природѣ, имѣющимъ равную дѣйственность съ Богомъ Отцемъ.

И никто да не соблазняется, если Онъ въ цѣляхъ домостроенія является говорящимъ, что *не можетъ творить отъ Себя ничего, если чего не видитъ Отца творящимъ*. Какъ уже облеченный образомъ раба и ставшій человѣкомъ по причинѣ объединенія съ плотью, Онъ употреблялъ выраженія, не всегда и не безусловно соответствующія одному только божескому Его достоинству, но ради домостроенія пользовался иногда и такими, кои бы приличествовали вмѣстѣ и Богу и человѣку, ибо Онъ и дѣйствительно былъ въ одно и тоже время тѣмъ и другимъ.

Таковъ одинъ истинный смыслъ этого изреченія. Но, думаю, надо также обратить вниманіе и на другую сторону толкуемаго изреченія и точнѣе изяснить его смыслъ: *„не можетъ, сказано, Сынъ творить отъ Себя ничего, если чего не видитъ Отца творящимъ“*. Это „не можетъ“ или „невозможное“, употребляемое о комъ-либо или приписываемое какимъ-либо предметамъ, не всегда служитъ обозначеніемъ необходимости или безсилія. Часто оно выражаетъ и твердость существъ и неуклонное пребываніе бытій въ томъ, въ

чемъ каждое изъ обозначаемыхъ существъ или находится или находилось и что оно можетъ по природѣ и непреложно производить. Но, если угодно, станемъ рассуждать посредствомъ примѣровъ. Если, напримѣръ, человѣкъ скажетъ, что онъ не можетъ переносить большое и тяжелое дерево, то этимъ укажетъ на присущую ему слабость. Если же другойкто скажетъ: „будучи человѣкомъ, разумнымъ по природѣ и рожденнымъ отъ разумнаго по природѣ отца, я не могу дѣлать, какъ нѣчто свое собственное и отъ себя, чего не вижу прирожденнымъ природѣ родителя моего“, тогда это „не могу“ будетъ указывать на постоянство сущности и на непревращаемость ея въ нѣчто другое отличное отъ того, что она есть. Не могу, говорить, самъ по себѣ не быть животнымъ разумнымъ, преступивъ свойства, присущія моей природѣ, ибо не вижу возможности быть этому и въ природѣ моего родителя. Такимъ же образомъ понимай и слова Христа: „не можетъ Сынъ творить отъ Себя ничего, если чего не видитъ Отца творящимъ“. Не отрицайте, говорить, дѣлъ Сына: вѣдь Онъ, созерцая какъ бы въ собственныхъ мысляхъ или природныхъ движеніяхъ сущность Родившаго Его, совершаетъ именно то, и ничего другаго, что совершающею подобающимъ ей образомъ увидитъ ее (сущность Отца), такъ какъ Онъ не можетъ претерпѣть что либо противное Своей природѣ по той причинѣ, что Онъ изъ нея существуетъ. Природа Отца, напримѣръ, имѣетъ хотѣніе миловать. Созерцая это (хотѣніе) присущимъ ей, и Сынъ, уже Самъ по Себѣ и по самой природѣ Своей ¹⁾, является милостивымъ, не могущимъ быть чѣмъ либо другимъ отличнымъ отъ того, что есть она.

¹⁾ Можетъ быть лучше читать: какъ изъ нея (природы) сущій.

Вѣдь Онъ имѣеть отъ Отца какъ сущность такъ и качества сущности, конечно просто и несложно, какъ Богъ. Вотъ поэтому-то къ прежнимъ словамъ и присоединяеть премудро: „*ибо что Онъ творитъ, то и Сынъ подобноже творитъ*“, весь, такъ сказать, объемъ мысли о „невозможности *творить отъ Себя ничего, если чего не видитъ Отца творящимъ*“ объединяя въ этихъ словахъ. А обдумывая причину, по которой Сынъ говоритъ такія слова, ты долженъ обратить особенное вниманіе на сказанное нами.

Итакъ, поелику въ субботній день являль милость разслабленному, Іудеи рѣшались Его преслѣдовать. Но Христось постыжаетъ ихъ, указывая на то, что въ субботу милуетъ Богъ и Отець. Не думаль Онъ; что когда бы то ни было должно препятствовать тому, что относится къ нашему спасенію. Вотъ именно поэтому-то и сказалъ въ началѣ: *Отець Мой досель дѣлаетъ и Я дѣлаю*“. Поелику же Іудеи по великому неразумію своему оказывались негодующими на это, Онъ еще присоединяеть: „*не можетъ Сынъ творить отъ Себя ничего, если чего не видитъ Отца творящимъ, ибо что Онъ творитъ, то и Сынъ подобноже творитъ*“. Такъ какъ Отець, говоритъ, не отказывается миловать въ субботу, то и Я, видя Его всегда милосердымъ, поэтому самому также всегда милую, не имѣя возможности такъ сказать внести въ Себя какую либо новую сущность Отца, но являясь и будучи таковымъ, каковъ есть по природѣ Онъ, ибо какъ сущій изъ Него Я и совершаю конечно дѣла Его.

А говорить, что Отець есть назначинатель дѣлъ, служить признакомъ крайняго неразумія. Какъ же можетъ Онъ назначать что либо особо и одинъ, если имѣеть Сына какъ Свою дѣйственную во всемъ силу, вѣчно Ему сосуществующаго и являющагося

выразителемъ Его воли къ чему-либо и движенія Его дѣйственности въ чемъ-либо? И если они невѣжественно утверждаютъ, что при каждомъ дѣлѣ Онъ дожидается особаго дѣйствія Отца, чтобы подражать подобнымъ же дѣйствиємъ, то пусть укажутъ намъ что либо такое, что Отецъ когда либо совершилъ особо и самъ по себѣ,—или: какого расслабленнаго напередъ исцѣливъ, Онъ далъ это исцѣленіе въ качествѣ образца для Своего Сына?

V. 20. Отецъ бо любитъ Сына.

Тѣхъ, кои безразсудно свирѣпѣли напраснымъ гнѣвомъ и неудержимо нечествовали противъ Него ради субботы, Христосъ изобличаетъ, представляя очевиднѣйшее доказательство дѣла въ словахъ, что Онъ пользуется любовью у Собственнаго Родителя. Вѣдь если любитъ Сына Отецъ, то очевидно любитъ Его не какъ оскорбляющаго (Отца), но, напротивъ, какъ радующаго Его тѣмъ, что творитъ и дѣлаетъ. Напрасно слѣдовательно преслѣдуютъ (Иудеи) Того, Кто не отказывается оказывать милость въ субботу, и чрезъ это опять оказываются противниками воли Бога и Отца. Они думаютъ, что должно ненавидѣть Того, Кого Онъ любитъ, но очевидно Онъ отнюдь не любилъ бы Его, какъ преступающаго волю Родителя и обыкшаго особо и одиночно дѣлать то, что бы ни пожелалъ Онъ Самъ. А какъ Онъ (Отецъ) справедливо любитъ Его, то очевидно соглашается и соизволяетъ на разрушеніе субботы (покоя) и показываетъ, что въ этомъ нѣтъ ничего такого, за что бы Богъ и Господь закона справедливо могъ вознегодовать.

V. 20. И вся показываетъ Ему, яже Самъ творитъ.

Считаетъ необходимымъ къ предшествующимъ словамъ присоединить и это, а по какой причинѣ, объ

этомъ также скажу. Отцы у насъ, подчиняясь иногда естественной любви, терпятъ и оскорбляющихъ ихъ сыновей и часто сносятъ противорѣчащiе ихъ волѣ поступки дѣтей. Это потому, что въ нихъ живетъ сильная любовь къ дѣтямъ, заставляющая преумножать всякое къ нимъ послабленiе. Но не такъ, говорить, любить Сына Богъ и Отецъ, ибо Онъ (Сынъ) не можетъ дѣлать ничего, что не свойственно совершать и Отцу. Какъ имѣющiй одну съ Нимъ сущность, Онъ нѣкiими, такъ сказать, природными законами влечется къ совершенно одинаковой (съ Отцемъ) волѣ и силѣ. Поэтому, говорить, Сынъ не дѣлаетъ ничего противъ угоднаго Отцу и подобающаго и не пренебрегаетъ легкомысленно любовью Отца, будучи упрямымъ и новшестволюбивымъ въ дѣлахъ,—но творцомъ чего видитъ Его, очевидно опять въ умѣ, это именно и совершаетъ, тожествомъ сущности удерживаемый въ томъ, чтобы ни въ чемъ не преступать подобающаго Богу. Вѣдь Онъ не причастенъ никакому превращенiю и измѣненiю, но пребываетъ „Тойжде“ непрестанно, какъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ Псалмопѣвецъ (Псал. 101, 28). Отецъ же, опять, „показуетъ Сыну, что Самъ творитъ“, не какъ на доскѣ начертанное предлагая, или какъ незнающаго научая, ибо Сынъ все вѣдаетъ какъ Богъ,—но всего Себя въ природѣ Своего Порожденiя живописуя и собственно Ему природно присущiя свойства показуя въ Себѣ, дабы въ томъ, что есть и чѣмъ является Самъ Сынъ, Онъ, узнавалъ и то, каковъ и кто есть по Своей природѣ Его Родитель. Вотъ поэтому-то Христосъ и говоритъ, что „никто не знаетъ, кто есть Сынъ, кромѣ Отца, и Отца никто не знаетъ, кто Онъ есть, кромѣ Сына“ (Матѣ. 11, 27). Въ Обоихъ заключается точное знанiе Каждаго изъ Нихъ, не чрезъ наученiе, а по природѣ. Какъ Богъ и

Отець видитъ въ Себѣ Сына, такъ съ Своей стороны и Сынъ видитъ въ Себѣ Отца, почему и говоритъ: „я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть“ (Іоан. 14, 11). А слова: *видѣть* и *быть видимымъ* опять надо понимать здѣсь такъ, какъ это приличествуетъ Богу.

У. 20. *И больша сихъ дѣла покажетъ Ему, да вы чудитесь* ¹⁾).

Блаженный Евангелистъ говоритъ выше, что „искажи Иудеи Исуса убити, потому что не только нарушалъ субботу, но и Отцемъ Своимъ называлъ Бога, равнымъ Себя дѣлая Богу“ (ст. 18). Поэтому Онъ отклонялъ обвиненіе за субботу, указывая на то, что и Самъ Отецъ дѣйствуетъ въ субботу, — въ довольно большомъ разсужденіи. Но старается научить и тому, что Онъ находится въ равенствѣ съ Отцемъ, хотя и сталъ ради насъ человѣкомъ. Это оставалось еще для раскрытія, почему и говоритъ, что „и большія сихъ покажетъ Ему дѣла, дабы вы удивлялись“. Что же хочеть намъ еще выразить чрезъ это?

Исцѣленъ, говоритъ, разслабленный, „тридцать восемь лѣтъ находившійся въ болѣзни своей“. И поистинѣ досточудна сила Цѣлителя, и Его всецѣло боголѣпная власть. Такого Чудотворца никто, полагаю, изъ здравомыслящихъ не сталъ бы обвинять за то, что называетъ Себя Богомъ и, такъ какъ Онъ есть Сынъ, во всемъ равнымъ Родителю. А какъ, говоритъ, худо и неразумно мыслящіе, вы соблазняетесь изъ за этого брэннаго тѣла, то необходимо васъ **научить**, что не до

¹⁾ *Дѣла пок. Ему* соотв. *Σ. В. Сир. кр.* Терт. Гал. вм. болѣе: *пок. Е. Д.* какъ и самъ Кир. въ толкованіи здѣсь и даже къ ст. 25-му, р. 345. и Слав. Вм. *покажетъ* Мар. Зогр. Гал. Ал. соотв. больш. въ Остр. Асс. Юр. Сим. Карп. др: *показаетъ* соот. код. D. 28. e. Сир. кр. Арм. Кроме того кр: и *не удивляйтесь тому, что я сказалъ вамъ*.

этого только предѣла прострется Моя власть и сила: вы будете зрителями еще болѣе поразительныхъ дѣлъ, тоестъ возстанія мертвенювъ, и тогда еще болѣе будете поражены, видя Богу подобающую силу и славу заключающуюся во Мнѣ, Котораго нынѣ вы подвергаете обвиненію въ богохульствѣ и не стыдитесь преслѣдовать за одно только то, что я сказалъ: „Сынъ Бога Я“ (ср. Іоан. 10, 36).

А о томъ, какъ Богъ и Отецъ показываетъ Сыну дѣла, мы уже много сказали въ прежнемъ разсужденіи.

V. 21. Якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, иже хоцетъ, живитъ ¹⁾.

Усматривай опять и здѣсь ясное доказательство равенства. Кто равно (съ Богомъ Отцемъ) дѣйствуетъ въ оживленіи мертвыхъ, можетъ ли быть Онъ въ чемъ либо меньше? Или какимъ образомъ могъ бы быть инороднымъ и разноприроднымъ Тотъ, Кто блистаетъ одинаковыми свойствами? А сила животворенія есть свойство божественной природы, которое одинаково присуще Отцу и Сыну. Притомъ, не особо и самъ по себѣ Отецъ животворитъ однихъ, а Сынъ—особо и отдѣльно другихъ, ибо Онъ все совершаетъ, природно имѣя въ Себѣ Отца, и Отецъ все производитъ чрезъ Сына. Но поелику Отецъ имѣетъ въ Своей природѣ силу животворить, точно также какъ и Онъ (Сынъ), то и усвояетъ, какъ особо Каждому изъ Нихъ, присущую, силу животворить мертвыхъ.

²⁾ Св. Ал. Ковет. и поздн: *якоже* вм. древн: *яко* Св. Ал: *животворитъ*—точно, и: *иже*. Сир. снн. и кур. *живитъ мертвыхъ и воскрешаетъ ихъ*.—и: *живитъ тѣхъ, кои вѣрують въ Него*.

Г Л А В А VII.

О томъ, что ни одно изъ божественныхъ достоинствъ или преимуществъ не присутствуетъ въ Сынѣ по причастію или какъ произошедшее.

V. 22. *Отецъ бо не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови ¹⁾.*

Приводитъ другое богоприличное и досточудное дѣло, посредствомъ многихъ разсужденій убѣждая въ томъ, что Онъ есть Богъ по природѣ и истинно. И дѣйствительно, кому же другому могъ бы приличествовать судъ надъ вселенною, какъ не одному существу надъ всеѣми Богу, Котораго и призываютъ къ этому божественныя писанія, говоря—то: „*воскреси Боже, суди земли*“ (Пс. 81, 8), то опять: „*яко Богъ судія есть, сего смиряетъ и сего возноситъ*“ (Псал. 14, 8). Впрочемъ „судъ данъ Ему отъ Отца“—это говорить Онъ не какъ находящійся внѣ обладанія имъ, но какъ человѣкъ и домостроительно, научая, что все подобаетъ относить къ божественной природѣ, въ коей и Самъ Онъ пребывая, какъ Слово и Богъ, имѣетъ въ Себѣ Самомъ власть надъ всеѣмъ. А какъ сталъ человѣкомъ, къ которому сказано въ одномъ мѣстѣ: „*ибо что имѣешь, чего не получилъ?*“ (1 Кор. 4, 7), то и справедливо признаетъ, что Онъ получилъ (судъ).

На это опять быть можетъ скажетъ кто изъ противниковъ:

„Вотъ теперь ясно Сынъ говоритъ, что получилъ судъ отъ Отца. А получаетъ Онъ очевидно какъ не имѣющій. Какъ же со властію Дающій не будетъ выше и больше Нуждающагося въ полученіи?“

¹⁾ Св. Ал: *ниже бо Отецъ судитъ ни единого.*

Что же скажемъ на это? Въ предъидущемъ разсужденіи нами дано, какъ полагаю, не безсодержательное умозрѣніе касательно того, что особенно подобаетъ времени вочеловѣченія и всего болѣе соотвѣтствуетъ домостроительству со плотію. когда Онъ названъ рабомъ, когда смирилъ Себя, въ подобіи нашемъ бывъ (Филип. 2, 7). Если же тебѣ угодно презрительно относиться къ простѣйшимъ догматамъ и дѣлать болѣе подробныя изслѣдованія, то, опять выступая противъ твоихъ возраженій, скажемъ прежде всего вотъ что. Не всегда и не необходимо, любезнѣйшій, тотъ, кто называется дающимъ, удѣляетъ принимающему какъ не имѣющему, но и не всегда дающій больше принимающаго. Иначе что станешь дѣлать когда увидишь въ Духѣ говорящаго священнаго Псалмопѣвца: „дадите славу Богу“ (Псал. 67, 35)? Не ужели рѣшимся представить Бога нуждающимся въ славѣ, или и мы, коимъ повелѣвается приносить Ему ее (славу), окажемся ли ради этого выше Создателя? Но сказать это не посмѣетъ даже и самъ (противникъ), столь закоснѣлый въ своихъ богохуленіяхъ. Божество конечно полно славы, хотя бы и не принимало ее отъ насъ. Принимая въ качествѣ чести то, что имѣетъ въ Себѣ Самомъ, Оно конечно не можетъ быть мыслимо меньше тѣхъ, кои приносятъ Ему славу какъ даръ. Такимъ образомъ можно часто видѣть, что получившій что либо—не ниже даващаго, и потому Отецъ не превосходитъ природою Собственнаго Сына, если *весь* Ему *далъ* *судъ*.

Потомъ, кромѣ того, должно обратить вниманіе и на слѣдующее. Судить или быть судьей—это скорѣе суть дѣйствія или проявленія того, что мыслится подъ сущностями, чѣмъ сами по себѣ сущности въ ихъ истинности. Такъ мы совершаемъ нѣкое дѣйствіе,

когда производимъ судъ, но собственно остаемся тѣмъ, что мы есть. Если же суду или совершенію суда мы придадимъ значеніе сущностей, то развѣ не окажется необходимымъ и невольнымъ признать, что нѣкоторые изъ существующихъ совсѣмъ не могли бы существовать, если бы не являлись судьями, и съ окончаніемъ суда у нихъ конечно прекращалась бы сущность? Но мыслить такъ есть верхъ нелѣпости. Судъ есть нѣкое дѣйствіе, и ничто другое. Что же слѣдовательно далъ Отецъ Сыну? Никакого преимущества какъ бы изъ собственной природы въ предоставленіи Ему всего суда (не далъ), а скорѣе—дѣйствіе, простирающееся на судимыхъ. Какимъ же поэтому образомъ Отецъ будетъ больше или выше природою, и что приложившимъ будетъ Онъ Сыну, чего не было въ Сынѣ, говорящемъ: „вся, елика имать Отецъ, Моя суть“ (Іоан. 16, 15)?

Слушай же наконецъ, какъ поэтому надо понимать выраженіе „далъ“. Какъ Богъ и Отецъ, имѣя силу творить, все творить чрезъ Сына, какъ чрезъ Свою Силу и Крѣпость: такъ, и имѣя силу судить, совершаетъ и это чрезъ Сына, какъ чрезъ Свою Правду. Это подобно тому, какъ если бы сказать, что и огонь сущему изъ него по природѣ дѣйствію предоставляетъ сжечь что либо. Такъ благочестиво толкуя выраженіе „далъ“, мы избѣгнемъ сѣтей діавола. Если же съ безстыднымъ упорствомъ продолжаютъ утверждать, что приложена Ему слава отъ Отца чрезъ объявленіе Его судіею земли, то пусть научатъ насъ, какъ же въ такомъ случаѣ можно еще представлять Господомъ славы Того, Кто и въ послѣднія времена увѣнчивается этою честію?

Г Л А В А VIII.

О томъ, что Сынъ, будучи Богомъ и отъ Бога по природѣ и точнымъ образомъ Родившаго, имѣетъ и равную съ Нимъ честь и славу.

У. 23. Да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца: иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца пославшаго Его ¹⁾.

Причиною и основаніемъ уже прежде перечисленныхъ (достоинствъ Сына) служить равночестность Сына съ Отцомъ. Возвратившись немного назадъ и припомнивъ сказанное прежде, ты точно уразумѣешь смыслъ этого изреченія. Итакъ, Своимъ „Отцомъ называлъ Бога, дѣлая Себя равнымъ Богу“ (ст. 18),—потомъ опять указывалъ на Себя какъ на равносильнаго Ему и сотворца, говоря: „ибо что Онъ творитъ, это и Сынъ подобно же творитъ“ (ст. 19), — а что Онъ есть также и жизнь и животворецъ по природѣ, какъ и Родившій Его, на это указывалъ, присоединяя: „ибо какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и животворитъ, такъ и Сынъ, коихъ хочетъ, животворитъ“ (ст. 21),—но раскрылъ и то, что Онъ будетъ и судіею всѣхъ, при благоволеніи на все и содѣйствіи Отца, въ словахъ: „ибо Отецъ не судитъ никого, но судъ весь далъ Сыну“ (ст. 22). Какая же причина сего? Что побудило Единороднаго говорить такія слова?— „Да всѣ, говоритъ, чтутъ Сына, какъ чтутъ Отца“. Если Онъ есть все, что и Отецъ, поскольку дѣло касается до божественнаго достоинства, то не подобаетъ ли равномѣрными съ Нимъ (Отцомъ) почестями увѣнчивать Того, у Кого нѣтъ никакого недостатка въ тожествѣ сущности?

¹⁾ Св. Ап. не чтый... пославшаго вм. древн. иже не чтитъ... иже не слава.

Но что же опять говорить и противъ этого „*вся правая развращающіи*“, по слову пророка Исаи (Мих. 3, 9 ср. Иса. 5, 20)?

„Если, говорятъ, на основаніи словъ „*да всѣ чтутъ Сына, какъ чтутъ Отца*“, вы думаете, что должно Сына величать равномѣрными съ Отцемъ почестями, то не знаете, какъ далеко уклоняетесь отъ истины. Вѣдь слово „*какъ—καθως*“ не указываетъ непременно на равенство предметовъ, о которыхъ оно употребляется, но часто выражаетъ лишь нѣкое подобіе. Такъ напримѣръ, говорятъ, Спаситель въ одномъ мѣстѣ даетъ такой совѣтъ: „будьте милосерды, *какъ (καθως)* и Отецъ вашъ Небесный милосердъ“ (Лук. 6, 36). Не ужели же въ виду этого „*какъ—καθως*“ мы можемъ быть милосерды такъ, какъ Отецъ? И еще: Христосъ говоритъ къ Своему Отцу объ ученикахъ: „Ты возлюбилъ ихъ, *какъ (καθως)* Меня возлюбилъ“ (Іоан. 17, 23). Но ради это „*какъ—καθως*“ мы не можемъ признать, что ученики возлюблены такъ, какъ Сынъ. Зачѣмъ же ухищряешься и насильственно влагаешь богохульство въ изреченіе, никакой необходимости для слушателей въ себѣ не заключающее къ тому, что должно чтить Сына въ равной мѣрѣ съ Родителемъ?“

Что скажемъ противъ этого и мы? Жесткими словами лаютъ на насъ богоборцы. Но—вонъ „*собакъ*“, какъ говоритъ Павелъ (Филип. 3, 2), вонъ „*злыхъ дѣлателей*“, вонъ „*обрѣзаніе*“ правой вѣры! Мы—сыны истины и чада свѣта (Ефес. 5, 8). Посему и Единороднаго сопрославляемъ съ Богомъ и Отцомъ, не съ различіемъ какимъ либо, но въ равенствѣ чести и славы, какъ Бога отъ Бога, и Свѣтъ отъ Свѣта, и Жизнь отъ Жизни. И хотя принятое вѣрою подвергать слишкомъ подробному раскрытію большею частію

не безопасно, однакоже должно изслѣдовать значеніе этого „какъ—*καθως*“, дабы противники не великомудрствовали о себѣ.

Итакъ, когда слово „какъ“ прилагается къ предметамъ неподобнымъ по природѣ, тогда оно конечно не указываетъ намъ на совершеннѣйшее равенство. но только на подобіе и отображеніе, какъ въ предшествующемъ возраженіи признали и вы сами. Но если оно оказывается употребленнымъ о подобныхъ во всемъ другъ другу предметахъ, то выражаетъ равенство во всемъ и подобіе и все другое, что равносильно этому. Я могу, на примѣръ, сказать: блеститъ на небѣ солнце, блеститъ подобнымъ же образомъ серебро на землѣ, но природа названныхъ предметовъ различна. Или представимъ себѣ, что какой-либо богачъ на землѣ говоритъ своимъ домашнимъ слугамъ: пусть серебро блеститъ *какъ* солнце. Этимъ мы конечно отнюдь не утверждаемъ того, чтобы земное вещество достигало равнаго солнцу блеска, но только нѣкоего подобія и сходства, хотя и употребляется о немъ это „какъ“. Но возьмемъ въ примѣръ Петра и Іоанна, святыхъ учениковъ, кои и въ отношеніи природы и по благочестію къ Богу не имѣли недостатка въ точномъ подобіи другъ съ другомъ,—пусть кто либо употребитъ о нихъ это „какъ“ въ такомъ предложеніи: да читается отъ всѣхъ Іоаннъ, *какъ* и Петръ. Неужели это „какъ“ опять будетъ указывать на то, что не должно обоимъ имъ воздавать равную честь? Но, думаю, никто не скажетъ этого, ибо не усмотритъ никакого препятствія (къ полному равенству чести обоихъ).

Соотвѣтственно этому разсужденію, и о Сынѣ и Отцѣ когда употребляется это „какъ“, по какой причинѣ будемъ отвращаться вѣнчать Обоихъ равно-